

Ник Могилевич

Пепел и грех

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М74

Ник Могилевич
ПЕПЕЛ И ГРЕХ

Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на форзаце *Адель Кейн*
Иллюстрация на переплете *Юлии Мироновой (Alternam)*
Дизайн переплета *Анастасии Чаругиной*

Могилевич, Ник.

М74 Пепел и грех / Ник Могилевич. — Москва : Из-
дательство АСТ, 2026. — 640 с. — (Нова Фикшн.
Эпоха гримдарка).

ISBN 978-5-17-189979-0

Много десятилетий минуло с тех пор, как жители Пон-
тификума видели чистое небо. Столько же прошло с того
дня, когда Скорбящий, Бог-спаситель, шагнул в логово
Алой Девы — и началось великое противостояние. И пока
двое сражаются в Ледяной бездне, простые люди борются
за свою жизнь и за жизни тех, кто им дорог.

Палач Менд пытается остановить загадочного убийцу.
Беглянка Аристея превращается в знатную даму и учится
подчинять силу загадочных сигиллов. Суровый солдат, из-
вестный под прозвищем Стальной Лик, пытается исполнить
невозможный приказ командира.

Казематы многолюдной столицы, поля сражений в тени
величественных гор, угрюмые топи — все это станет лишь
шагом к самому центру заговора, грозящего уничтожить
страну.

В Понтификуме правда — самый опасный дар, и трой-
ке героев предстоит в этом убедиться.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-189979-0

© Могилевич Н., 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

ПРОЛОГ

НИКОГО ГРЕХ СТОРОНОЙ НЕ ОБХОДИТ

В поисках добычи метель диким зверем слетела с гор Безмолвной Скорби и устремилась на юг, завывая и впиваясь жемчужными клыками во всякого неосторожного путника. Столица Понтификума куталась в кафтаны из снега, люди в покрытых пеплом домах жались друг к другу, чтобы тепло не упорхнуло в объятия метели. Дома теснились, нависая над узкими темными улочками, иногда размыкая стены-руки и обступая широкие площади. Обычно многолюдные, сейчас они были пусты. В последние часы двести восемьдесят восьмого года в Доме Дыма — ремесленном районе Левантии — велась неспешная беседа. Старое дерево настойчиво скребло по крыше, норовя сорвать черную от пепла черепицу и услышать, о чем говорили в доме столичного палача.

— Менд, пора спать. Давай сотворим двуперстие, помолимся Скорбящему¹ и спокойно заснем. А то не дождешься подарков от святой Гиниты поутру.

Небольшая комната утопала в полумраке. Аккуратная лампадка, стоящая на табурете рядом с кроватью, проливала свет на ребенка, что натянул колющее шерстяное одеяло почти до растрепанных светлых волос. На его голову легла тонкая женская рука, пытаясь успокоить мальчика. Над кроватью висел раздвоенный железный символ Скорбящего, и тень от него обнимала мать и сына.

— Но мама, — голос мальчика, едва различимый из-под одеяла, стал будто еще тише. — Слышишь вой за окном? А что, если это грехи бродят? Вдруг они к нам заявятся?

Женщина вздохнула и еще раз провела рукой по волосам Менда.

— Ты же хочешь стать святым воином, как вырастешь? Хочешь воевать с еретиками и грехами далеко на западе? Думаешь, тех, кто боится метели за окном, возьмут в святые воины? Думаешь, на плато Заката трусишки нужны? — В ее глазах светилось озорство, она явно подначивала сына.

— Хочу, — еще тише сказал Менд. Из-под одеяла показалась тонкая детская ручка. Указательный и средний пальцы коснулись закрытых глаз и через мгновение оказались у подбородка. Мама повторила за сыном священное двуперстие.

— Мама, — одеяло вновь заняло прежнее место почти у самых серых глаз, — скажи, а почему грехи злые? За что они нас погубить хотят? И еретики эти. Они такие же, как мы, так чего в драку лезут?

¹ Скорбящий — верховное божество Понтификума, заступник всякого праведника. Здесь и далее — примечания автора.

— Малютка Менд, я тебе уже рассказывала, — женщина тяжело вздохнула. Она прекрасно понимала, чем все закончится.

— Расскажи еще, — голос мальчика стал немножго громче. Он всегда храбрился, когда хотел услышать историю от матери. — Не засну, пока не расскажешь!

— Вот оно как? — Рука женщины переключалась с волос сына на пояс домотканого платья. — Куда же делась добродетель вежливости, Менд Винум? — голос ее на мгновение изменился.

Менд Винум знал, что, если матушка называет его полным именем, нужно срочно изобретать новую тактику. Как святые воины приспосабливаются к новой боевой ситуации.

— Пожалуйста, мам. Ты так хорошо рассказываешь. Папа так не умеет. — Он зажмурился, выжидал.

— Лесть — это не добродетель, мой сокол, но так и быть, — женщина рассмеялась. — Ты же помнишь, кто мы такие и откуда пришли?

— Помню конечно, — Менд закивал, одеяло вновь сползло вниз. Ему не терпелось показать, что он не просто слушал истории матери, но и что-то из них запоминал. — Мы — асторы¹ и давно-предавно жили далеко-далеко на востоке, пока пепел не стал сыпаться с неба и Алая Дева не сделала жуткое-прежуткое Погребение.

— Правильно, мой сокол. Жуткое-прежуткое Погребение случилось именно из-за Алой Девы. Скорбящий остановил его, но огнедышащая гора Умбриум² все еще извергает пепел, с которым грех во всякого человека

¹ Асторы — народ, бежавший из Ламентарума на востоке и основавший Понтификум. Большинство асторов бледные и болезненные из-за недостатка солнечного света.

² Умбриум — огнедышащая гора на западе Понтификума, извергающая пепел со времен Погребения.

входит. Если бы не Двуетидный колокол¹, мы бы давно потеряли разум. Помнишь, как мы ходили в Великий собор на службу?

— Помню, мама. Колокол о-о-очень большой и громкий, и эклессиар тогда рассказывал много про Алую Деву.

— Вот, она извратила всякую душу, что внутри Умбриума обитает, навязала свои темные-претемные мысли, обратила грехами и выпустила наружу с пеплом. А теперь слушай, как все было, но не пугайся, Скорбящий нас защитит. Слушай...

Голос матери разлился по комнате, заглушил жуткую метель и перенес маленького Менда в далекие времена.

— Давным-давно мы действительно жили на востоке, а зимы были куда мягче нынешних. Вместо Левантии столицей был святой град Гебар — место, куда стекались блестящие умы, мудрецы и великие мастера. Даже понтификар² Мортос тогда не восседал на престоле, а был советником бога. Идар-Ваятель одарил нас чудесами алхимии, позволил нам властвовать над металлами и открыл чудо мизерикордии³. Он был мудр и справедлив, каждый мог обратиться к нему с тревогами и нуждами, и каждому Идар-Ваятель отвечал, направлял. Благодаря божественным дарам и неиссякаемой мудрости Ламентарум — а именно так и называлась тогда наша страна — расширился и покрывал

¹ Двуетидный колокол — созданный Скорбящим и помещенный на вершину Великого собора, этот величественный колокол, напитанный чистой мизерикордией, оберегает астов от безумия, что несет пепел.

² Понтификар — верховный владыка Понтификума, избранный Скорбящего среди астов.

³ Мизерикордия — сила, пронизавшая мир с приходом Погребения. Нити мизерикордии хаотичны, и управлять ими способен лишь посвященный в тайны плетения.

собой запад, север и восток. Могучие Ревнители¹ приносили свет добродетели даже в самые темные уголки этого мира.

— Как наше святое воинство? — вставил Менд, и в глазах мальчика засветилось восхищение.

— Все так, — кивнула мать. — Когда Ламентарум избавил бы мир от зла и тьмы, в благословенное царство спустились бы Ламентарии². Именно они послали Идара-Ваятеля с сестрой к нам, потому как понтификар Мортос истово взмолился о справедливости, о свете, что рассеет тьму, которая поглотила мир. Ему ответили, и в наш мир явились боги.

— Но мама, — снова перебил мальчик. — В эклессии³ же говорят, что у Идара-Ваятеля не было никакой сестры и что его проклинали.

— А мы с тобой сейчас не в эклессии, — заговорила чешки прошептала мама. — Слушай дальше и не перебивай. Тебе же интересно, как все было?

— Интересно, — часто-часто закивал Менд.

— Тогда слушай дальше. Легионы Ревнителей вел в бой имерандис⁴ Вариэль — могучий полководец, покоривший множество еретиков. Вот только власть ослепляет. Имерандису захотелось воссесть на божественном престоле самому. Он соблазнил сестру Идара-Ваятеля и вместе они намеревались лишить его власти. Понтификар Мортос был верен нашему богу до конца. Он разоблачил заговор, сурово расправился с Вариэлем. Правда, сестру бога ждало наказание еще более жестокое...

¹ Ревнители — элитный орден религиозных воителей, куда входили высшие армейские чины Ламентарума.

² Ламентарии — высшие божества, пославшие Идара-Ваятеля с сестрой перекроить мир по собственному замыслу.

³ Эклессия — церковь, посвященная Скорбящему и его святым. Контролирует умы и власть Понтификама.

⁴ Имерандис — высший военный чин Ламентарума.

Женщина замолчала, будто обдумывая, стоит ли рассказывать дальше. Менд тем временем приподнялся в кровати и настойчиво дергал мать за рукав, требуя продолжения.

— Умбриум? Ее же сбросили туда? А потом запечатали?

— Да, мой сокол, — со вздохом ответила мать. — Когда-то мы не предавали ушедших земле, но сбрасывали в очистительные недра Умбриума по заветам Идара-Ваятеля, дабы мирская скверна не касалась их душ. Предательство сестры перечеркнуло эту традицию навсегда. Она была последней, кого поглотила гора, а Призрачные Врата, которые стерегли Ревнители, запечатали, и воители доблестно встали на их страже. Увы, никто не подозревал, что в Ледяной Бездне в глубинах Умбриума родится та, кто навсегда разлучит нас с Идаром-Ваятелем.

— Алая Дева, — со страхом произнес маленький Менд и посмотрел в окно, где в ночи чернел циклопический пик Умбриума, видный каждому жителю Понтификума. — Но почему она просто не поговорила с братом, если выжила? Вот как вы с папой. Если ругаетесь, то говорите и потом миритесь.

— Если бы все было так просто, мой сокол, — женщина вновь опустила руку на голову сына. — Никого грех стороной не обходит, даже посланников богов, а мы невольно снабдили Алую Деву верными воинами. Она подчинила себе души, что томились внутри горы, извратила их, оставив лишь самые черные мысли, самые жуткие желания, и не осталось больше в Ледяной Бездне ни одной добродетельной души. Томились там лишь грехи, только и ждущие возможности отомстить роду людскому за то, что не приняли их, за то, что славили лишь добродетели.

— И потом Госпожа Грехов нашла способ снять печати с Призрачных Врат, и святые воины до сих пор бьются с еретиками на западе. Потомками Ревнителей, которые предали свою страну?

— Да, — печально ответила женщина. — Ты многое запомнил, мой сокол. Грех вездесущ, и к нему можно склонить даже праведника, если быть усердным, а у Алой Девы было все время этого мира. Как только она переманила своих тюремщиков, Призрачные Врата отворились и на небе воссияла Черная Звезда. В насмешку над путеводной звездой Ламентариев, что указывала дорогу заблудившимся путникам. Так на землю сошло Погребение, и сводящий с ума пепел отравляет нам жизнь. Если бы не Двуетидный колокол, не осталось бы в Понтификуме никого, кто мог противостоять Алой Деве.

— А что же Идар-Ваятель? Он же был могучим посланником Ламентариев. Как так вышло, что он не справился? И как появился Скорбящий? — Менд уже сбросил одеяло и теперь жадно впитывал каждое слово.

— Никого грех стороной не обходит, даже посланников богов, — назидательно повторила женщина. — Как только Идар-Ваятель узнал, что произошло, он тут же ринулся к Умбриуму. Увы, сила Алой Девы возросла многократно, ибо живущих много, но покинувших этот мир в разы больше. Он пытался сопротивляться, но слишком много пепла опустилось на него, слишком много грехов нашептывало волю Алой Девы. В конце концов он потерял разум, обратившись Герольдом Погребения, и лично возглавил силы сестры в опустошительном походе с запада на восток. У астов не было шансов.

— Пока не появился Скорбящий?

— Пока не появился Скорбящий. Понтификар Мортос собрал мастеров мизерикордии и создал Колыбель Света¹, что должна была подарить нам надежду и нового избранника, который наделен силами Ламентариев. Однако тот, кто войдет туда, навсегда по-

¹ Колыбель Света — устройство, напитанное чистой мизерикордией, создавшее Скорбящего.

теряет человечность. Как бы ни было страшно, как бы ни было жутко шагнуть в неизвестность, такой человек нашелся, потому что ему было что защищать. Летописи не сохранили его имени, потому как смутные то были времена. Все, что мы знаем, — что из Колыбели Света вышел Скорбящий с огненным мечом, который повел оставшиеся верными Ламентаруму легионы Ревнителей в схватку с Идаром-Ваятелем. Много дней и ночей бился новый бог с грехами и их госпожой, но, в конце концов, сразил Герольда Погребения и загнал грехи обратно в недра Умбриума.

— Потом я знаю, что было! — вырвалось у Менда. — Пока Скорбящий загонял грехи все глубже и глубже в Ледяную Бездну, Алая Дева вновь смутила разум тех, кто остался охранять врата, и их вновь запечатали, и теперь Скорбящий заперт внутри и пытается вот уже второй Темпус выбраться наружу, но для него это очень сложно. Он ведь еще должен оберегать нас от грехов, отвечать на молитвы и всякое такое. Так что говорят, что новое Погребение не наступит, пока Скорбящий сражается. Так уж говорит эклессиар¹ Долтус, а он добрый и умный.

— Да, мой сокол, Скорбящий хранит каждого из нас. Весь народ асторов двинулся тогда в поход за новым богом и в итоге осел здесь, и понтификар Мортос основал Понтификум. Горы Безмолвной Скорби — наш щит, а твердыни на западе, востоке и юге защитят от всякого врага. Вот и вся история. А теперь пора спать.

— Мам, а Скорбящий одолеет Алую Деву? — спросил Менд, вновь накрываясь одеялом. — И я ему в этом помогу?

— Обязательно, мой сокол, непременно. — Мать поцеловала сына. — А теперь закрывай глаза, и пусть тебе приснятся только добродетели. Засыпай, а я спою тебе...

¹ Эклессиар — служитель эклессии, рядовой ее член.

НИКОГО ГРЕХ СТОРОНОЙ НЕ ОБХОДИТ

Колыбельная обволакивала вторым одеялом, и никакая метель не могла теперь напугать маленького Менда Винума. Где-то там, в недрах Умбриума, он бок о бок со Скорбящим дрался с грехами и, разумеется, героически побеждал.

ГЛАВА 1

МЕНД ВИНУМ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

В подвале собора Братства Погребения было темно и влажно. В затхлом воздухе витали запахи пота, горелой плоти и старой кожи. На угольях стоявшей в углу жаровни раскалялся зловещий арсенал пыточных инструментов. Алые отблески плясали на стенах, выхватывая раскрытые, полные шипов объятия Левантийской Девы и стул ведьмы, на котором застыли бурые пятна крови. Под потолком висели ржавые цепи.

— Атрония Люцерния, сознаешься ли ты в убийствах добрых жителей Левантии? Сознаешься ли ты, что для совершения сих гнусных деяний ты вступила в темные сношения с Алой Девой? — В стенах подземелья голос Менда Винума, столичного мастера пыточных дел, звучал громко и твердо.

— Милосердия, мастер, прошу... — Женщина, которая лежала нагой на палаческом столе, дрожала. Свет

чадящего рядом факела высвечивал ее неестественно выгнутое тело, небольшие, подрагивающие от холода груди и кустик темных волос там, где сходились ноги. — Это не я! Клянусь Скорбющим, не я!

— Тяни, — бросил Менд Винум помощнику Орису, который стоял и тарачился на голую Атронию. С уголка его рта лениво капала слюна и медленно ползла по всклоченной седой бороде. Услышав голос Менда, Орис встрепенулся и потянул за ворот. Залязгали шестерни, и женщину растянуло над столом, прижимая ее тело к острым иглам под спиной. Сталь окрасилась красным. Атрония закричала.

— Сознаешься ли ты в ужасных убийствах, произошедших в Левантии с пятнадцатого дня месяца Ржавой Службы по сей, пятый день месяца Объятий Девы?

— Это не я-а-а! Милосердия, мастер, нет за мной злых деяний!

Менд дал отмашку помощнику, и тот замер. Рядом с пленницей лежал свиток и перо с чернильницей. Обмакнув перо в чернила, Менд торопливо вывел: «Вышеназванная дева не признает вину, несмотря на стол. По-видимому, грех обмана плотно укоренился в ее теле». На кончике языка расцвел сладковатый привкус. Женщина говорила правду, он знал это. Он всегда знал, говорят люди ложь или правду. Да, Атрония определено не лгала, иначе Менд почувствовал бы горечь, будто от недозревших ягод. Однако настоящего убийцу до сих пор не поймали, и толпе нужен был агнец на заклание, пока дело не дошло до бунта. Винум вздохнул и снова махнул рукой помощнику.

— Что ж, Орис, быть может, освященная эклессией вода заставит ее говорить. — Голубые глаза Атронии расширились от ужаса, когда помощник закрепил ворот и извлек из-за пояса ржавую лейку. Менд принес ведро с водой и сам вставил лейку в рот обвиняемой.

Это ее сломало. Атрония дернула головой и, когда пыточный мастер ухватил ее за подбородок, прошептала:

— Сознаюсь... Сознаюсь во всем, слышите-е-е?!

— Сознаешься ли ты в умерщвлении восьми добрых жителей Левантии? — монотонно, будто на панихиде, произнес Менд.

— Сознаюсь... — Перо заскрипело по бумаге. «Обвиняемая признает вину».

— Сознаешься ли ты, что злоумышляла против владыки нашего, понтификара Мортоса? Что вступала в противоестественную связь с Алой Девой, дабы получить черные знания, коими она обладает?

— Сознаюсь...

— Сознаешься ли ты, что подписала договор с Госпожой Грехов своей месячной кровью, дабы придала она тебе сил приносить бóльшие страдания своим жертвам?

— Сознаюсь...

— Замышляла ли ты гибель людей, истово верующих в Скорбящего?

— Сознаюсь...

— Что ж, у меня более нет к тебе вопросов. Орис, ослабь веревки. — Помощник медленно вернул ворот в исходное положение, вызвав у Атронии стон облегчения.

— Хе-хе, мастер Менд, я же говорил вам, что, как дойдем до святой водицы, запоет, как соловчик. Грехи жутко ее не любят, водицу-то святую. М-да, для пособницы Алой Девы продержалась она всего ничего. Помните ту потаскуху, которая...

— Закрой пасть, Орис, не то засуну твою мерзкую рожу в уголья. Ты что-то бледноват, сделаем цвет твоего лица румянее. — Здоровяк Менд завис над маленьким тщедушным Орисом. Тот сглотнул и поспешил молча отвязать пленницу.

— Так-то лучше. Помнится, ты хотел мне что-то передать, как закончим?

— Да-да, мастер Менд, именно. Это по вашему делу, касательно мастера Тоса, — помощник вытянул

из запятнанной куртки свиток и подобострастно вручил его пыточному мастеру.

— Подсоби пленнице да скажи страже за дверь, что я закончил. Пусть кинут ее в ближайшую камеру. — На мгновение Винум задумался и склонился над Атронией. — Долг милосердия велит сообщить тебе, что после признания тебя ожидает лишь виселица. Боюсь, на покаяние у тебя осталась всего пара дней. Понтификар слишком озабочен этими убийствами и повелит вздернуть тебя для успокоения толпы.

Женщина хотела было что-то сказать, но, глянув в холодные серые глаза палача, передумала. Менд развязал последний узел и оставил несчастную на попечение помощника.

Он подошел к жаровне и пристально посмотрел на печать, что алым пятном растеклась на свитке. Печать Серебряного Солнца. Теперь перед ним откроется истина. Он знал, что за одно упоминание ордена его самого могут вздернуть рядом с Атронией. Однако то, что скрывало послание, было слишком важным для юноши. Если бы не доверие к помощнику, Менд ни за что не поручил бы ему столь важное задание.

Как только дверь за спиной Ориса закрылась, Менд сорвал печать и торопливо пробежался по изящным буквам на бумаге. «Достопочтенный отпрыск топора и веревки, я не могу доверить столь деликатные слова бумаге, посему приглашаю на встречу. Полночный час — превосходное время для свидания тех, кто хочет поговорить о казни палача Левантии. Старое кладбище в Доме Ночи. Трепетный огонь свечи будет, как и ваш покорный слуга, ожидать в покинутой эклессии. Плата, по обыкновению, все та же. Засим спешу откланяться», — в конце вместо имени было выведено солнце, застывшее над венцом понтификара.